

УДК: 930.26:008 (571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.19.27>

ДАУРСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИАМУРЬЯ

© 2022 г. О.В. Дьякова

Первые сведения о народах Амура появились в середине XVII в. в отчетах русских первопроходцев. Для дауров указывалось проживание по Амуру и Зее. Отмечалось наличие у дауров городков и крепостей, военно-административной системы под управлением местных князей. В отличие от тунгусо-маньчжуров дауры не являлись коренными жителями Приамурья. Их переселение на Амур расценивалось как военно-политический акт династии Юань, которым отводилась функция монгольских оккупационных войск. В Западном Приамурье обнаружена серия археологических памятников, определенные как даурские. Установлено, что городища даурского типа относятся к долинным, имеют квадратную форму с 1–2–3 валами, угловые башни и рвы. Вблизи даурских городков располагались поселения и грунтовые могильники. Самые ранние даурские городки и могильники датируются периодом монгольской династии Юань (1271–1368). Поздние даурские памятники датируются XVII в. В период китайской династии Мин (1368–1644) монголоязычные дауры проживали параллельно с аборигенными тунгусо-маньчжурскими племенами.

Ключевые слова: дауры, городки, фортификации, Приамурье, монголы, Юань, Мин, Цин.

DAURIAN MONUMENTS OF THE AMUR REGION

O.V. Diakova

The first information about the Amur peoples appeared in the mid-17th century in the reports of Russian pioneers. For the Daurians, accommodation was indicated along the Amur and Zee. It was noted that the Daurians had towns and fortresses, and a military-administrative system under the control of local princes. Unlike the Tungus-Manchus, the Daurians were not the indigenous inhabitants of the Amur region. Their relocation to the Amur was regarded as a military and political act of the Yuan Dynasty, which was assigned the function of Mongolian occupation troops. A series of archaeological sites identified as Daurian has been discovered in the Western Amur region. It has been established that the settlements of the Daurian type belong to the valley type, and have a square shape with 1–2–3 ramparts, corner towers and ditches. Settlements and underground burial grounds were located near the Daurian towns. The earliest Daurian towns and burial grounds date back to the period of the Mongolian Yuan Dynasty (1271–1368). The late Daurian monuments date back to the 17th century. During the Chinese Ming Dynasty (1368–1644), the Mongol-speaking Daurians lived in parallel with the aboriginal Tungus-Manchu tribes.

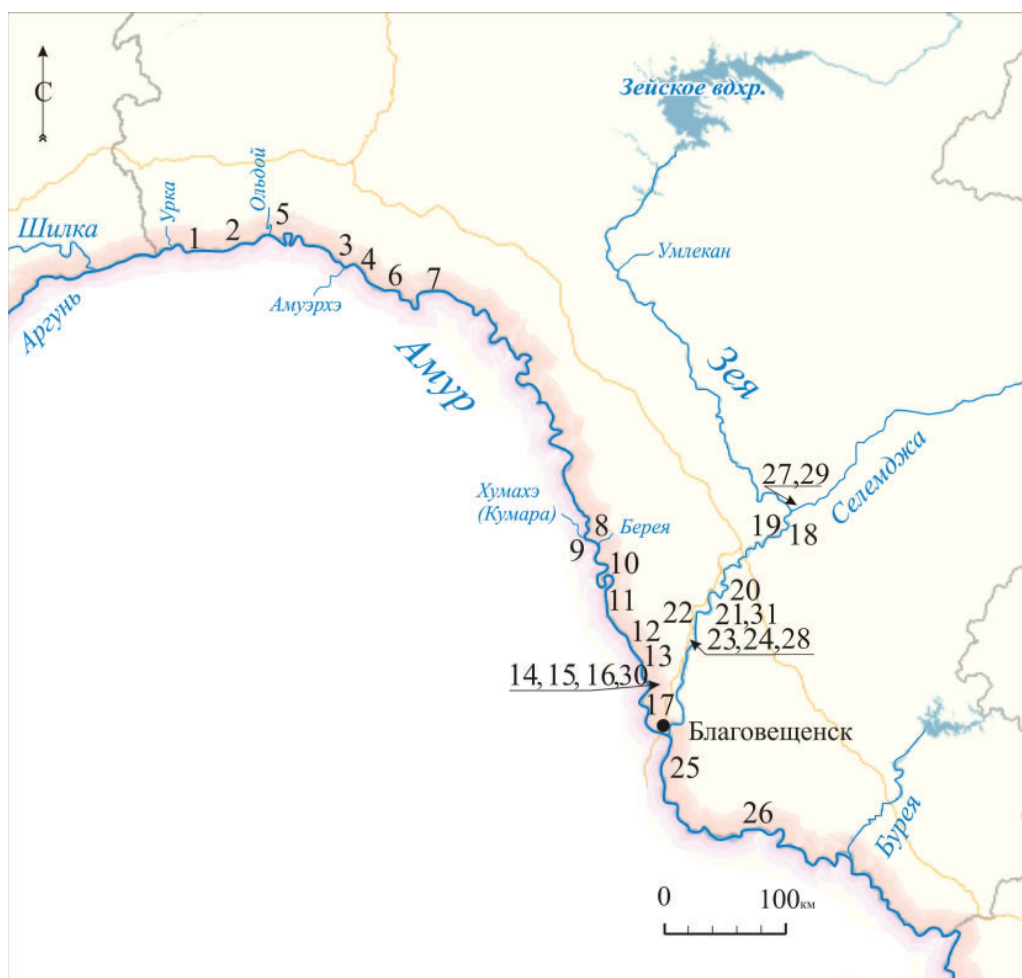
Keywords: Daurians, towns, fortification, Amur region, Mongols, Yuan, Ming, Qing

Первые сведения о даурах появились в середине XVII в. в «расспросных речах», «сказках» и «отписках» казаков и первопроходцев – В.Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и др., в которых указывались места проживания по Амуру и его притокам монголоязычных дауров, тунгусо-язычных дючеров, гоголей, наток, ачанов и палеоазиатов-гиляк. Даурские городки, крепости, селения отмечены по реке Жи (Зей), впадающей в Шилкар (Шилка) или Маму (Амур). Основным занятием дауров были хлебопашество и разведение скота. Населением управляли местные «князьки». Форма правления носила хорошо организованный административно-военный характер. Р.К. Маак и Л.И. Шренк считали, что переселение дауров на Амур являлось следствием войны монголов Чингисхана и чжурчжэней империи Цзинь (1115–1234). Монголоязычные кидани регулярно

создавали на Северо-Востоке много проблем не только чжурчжэньской империи Цзинь, но и монголам. Амурские территории требовали досмотр и контроль. Поэтому целесообразность переселения киданей в статусе монгольских оккупационных войск очевидна. Генетические исследования, проведенные китайскими учёными, показали, «что все люди этнической группы даур являются потомками киданей» (Цыбенков, 2011, № 8, с. 238–245). В Приамурье дауры появились не ранее первой трети II тысячелетия и проживали в «Зазейском крае» до середины XVII века. При династии Цин (1644–1912) их переселили обратно вглубь Маньчжурии. Информация о местах расположения даурских городков в Приамурье сохранилась в материалах Р.К. Маака, С.В. Максимова, Г.Ф. Миллера, Ф.Ф. Шперка, К.И. Максимовича, А. Кауфмана, А.А. Алябьева, Н.Д. Свербева, А.В. Ки-

риллова, В.И. Огородникова. В настоящее время целенаправленно в историческом плане даурской проблемой занимается Б.Д. Цыбенков, реконструировавший по лингвистическим материалам расселение даурских родов (Цыбенков, 2011, с. 238). К археологическому изучению культуры дауров приступили только в первой трети XX века. Впервые даурский тип городищ в Приамурье выделил Г.С. Новиков-Даурский, отнесший к нему 16 городищ: Самодонское, Буссеевское, Второе Петропавловское, Сергеевские-I-II, Новопокровское, Лазарет, Второе Миловановское, Михайловское, Китайские окопы, Ковриженское, Китайский городок, Натальинское, Троицкое, Семиозерское, Мазановское. Г.С. Новиков-Даурский писал: «Среди многочисленных археологических памятников, находящихся в Амурской области, выделяется особый вид небольших городищ, имеющих оригинальную форму и почти одинаковые размеры. Это четырехугольные площадки размером от 800 до 1200 кв.м, огражденные валами и рвами, часто двойными, а иногда даже тройными, с замысловато устроенными входами, большей частью с южной, реже – с восточной или северной стороны. По углам площадки возвышаются холмики с ямами наверху, по-видимому, остатки оснований башенок. Башенка, находящаяся в северо-западном углу, обычно больше остальных и всегда выдается из плана четырехугольника. Влево от входа на площадку, обычно в двух-трех метрах от внешнего рва, находится небольшая яма. Около таких городищ всегда имеются следы селищ. Здесь часто находят черепки глиняной посуды, грузила для сетей, кости домашних и диких животных, обожженные камни» (Новиков-Даурский, 1953, с.67). Во второй половине XX – начале XXI вв. к обследованию городищ обращались многие исследователи (Сапунов, Зайцев, 1993; Дьяков, 1999; Сапунов, Болотин, 1989 и др.). В результате по письменным и археологическим источникам было выявлено более 30 даурских городищ и составлена карта (рис.1) (Дьякова, Зайцев, Шевченко, 2019, с. 87–98). Ареал дислокации городищ охватывал бассейн Верхнего и Среднего Амура. По геоморфологической характеристике городища представлены долинным (равнинным) типом с четко выраженной формой в виде квадрата или прямоугольника с размерами сторон: 35×35; 40×40; 50×50; 65×65; 40×35; 75×70; 60×65; 100×100 м (рис. 2, 1–3). Фортификации представлены 1–2–3 валами с угловыми башнями; рвами;

простым входом с восточной, западной, южной, юго-восточной стороны. Вблизи даурских городков, согласно исследованию В.И. Дьякова, находились грунтовые могильники и селения (рис. 2). На городищах практически отсутствовали находки, что подтвердили в 2021 году стационарные исследования Д.П. Волкова на Сергеевском городище. Данные факты свидетельствуют, что это даурские городки. Именно при переселении дауров в Приамурье одновременно выстраивались однотипные городки, форма которых отличалась от укреплений аборигенного тунгусо-маньчжурского населения. При обратном переселении дауров династией Цин в XVII в. вглубь Маньчжурии на месте оставлялись только ненужные вещи. В 2020 году Д.П. Волковым было выдвинуто предположение, что даурские городки это не жилые городища, а «ритуальные комплексы, связанные с погребальным обрядом определённого слоя позднесредневекового населения» (Волков, 2020, с. 330). Но этому противоречат исторические источники. Факт переселения дауров на Амур зафиксирован в китайских документах того времени. Даурские городки описали русские первопроходцы в XVII в. с указанием имён князьков. Ситуационный план памятников Прядчино, снятый в 1993 году В.И. Дьяковым, включал городок, могильники и поселение, что указывает на единый взаимосвязанный комплекс (рис. 2) (Дьяков, 1993). В Китае известны ритуальные комплексы, но они имеют строгую иерархию, архитектурные и планиграфические параметры, отличающиеся от даурских городков. И если в даурских городках материал отсутствует, то погребальные памятники этого времени насыщены им. В 1972, 1977 гг. В.И. Болдиным и А.Л. Ивлиевым обследованы грунтовые могильники Озеро Дюльдино и Озеро Круглое. Памятники определены как «даурские могилы» и датированы по присутствию в могиле голубого фарфорового чайника с кобальтовой росписью «не ранее конца XIV, а вернее начала XV века» (Ивлиев, 1995, с. 55–60). Доказательств отнесения могил к даурам не приводилось, но датировка памятников обоснована. Отнесению захоронения к даурским (вскрыта одна могила) противоречат комбинированные серьги, входящие в тунгусо-маньчжурский этнографический комплекс, и западная ориентация погребённого, в то время как монголам присуща северная ориентация. В 1984 г. автор этих строк по просьбе Амурского областного краеведческого музея работала с археологиче-

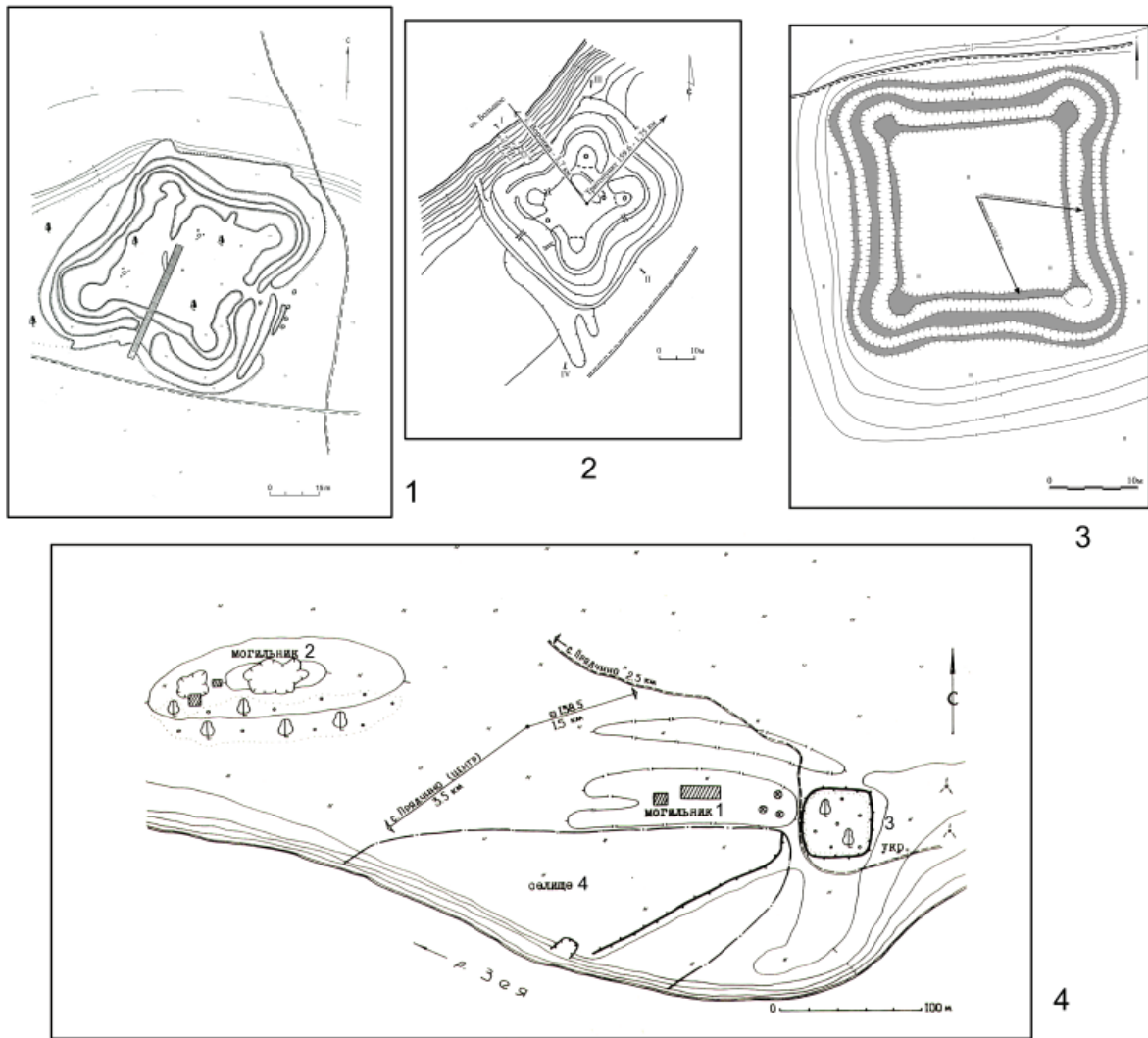

Рис. 1. Археологическая карта городищ «даурского типа» бассейна реки Амур (Россия): 1 – Лавкаев городок (крайне западный); 2 – Даурский городок (управляемый зятем Лавкая); 3 – Даурский городок Якса (управляемый Албазихой); 4 – Даурский городок (под управлением Атуя); 5 – Чапин (Чипин) городок; 6 – Дасаулов городок; 7 – Городок князя Чурончи; 8 – Гогударов городок (три смежных городка, принадлежавшие Гуйгудару, Олгемзе и Лотодию); 9 – Даурское селение князя Емарды (селения князцов Шангамона и Ундая); 10 – Городища даурское на Самодоне; Большое Озеро; 11 – Буссевское городище; 12 – Бибиковское городище; 13 – Сергеевские городища– 1, 2, 4; 14 – Миловановские городища 1, 2; 15 – Михайловское городище; 16 – Новопокровские городища 1–6; 17 – Игнатьевское городище; 18 – Мазановское городище; 19– Практичи, городище – 1; 20 – Городище Большая Сазанка; 21 – Городище Воронжа; Маньчжурка; 22 – Натальинское городище; 23 – Великокнязевское городище; 24 – Прядчинское городище; 25 – Толгин городок (старый Айгун); 26– Орловское городище; 27– Молдакит городище; 28 – Семиозерское городище; 29 – Троицкое городище; 30 – Новоандреевское городище; 31 – городище Маньчжурка.

Fig. 1. Archaeological map of the hill forts of the ‘Daurian type’ from the Amur River basin (Russia): 1 – Lavkaev town (the Far West); 2 – Daurian town (managed by Lavca’s in-law son); 3 – Daurian town named Yaksa (managed by Albazikha); 4 – Daurian town (managed by Atui); 5 – Chapin (Chipin) town; 6 – Dasaolu town; 7 – town of Prince Thuronci; 8 – Gogudarov’s town (three adjacent towns owned by Guigydar, Algamse and Lotodie); 9 – Daurian village of Prince Emaryd (village of Princes Sangamon and Undai); 10 – Daurian town on Samodon; Bolshoe Ozero; 11 – Bussevskoye settlement; 12 – Bibikovskoye settlement; 13 – Sergeevsky settlements 1, 2, 4; 14 – Milovanovsky settlements 1, 2; 15 – Mikhailovskoye settlement; 16 – Novopokrovsky settlements 1 – 6; 17 – Ignatievskoye settlement; 18 – Mazanovskoye settlement; 19 – Practichi settlement – 1; 20 – Bolshaya Sazanka settlement; 21 – Voronja settlement; Manjurka; 22 – Natalinskoye settlement; 23 – Velikoknyazevskoye settlement; 24 – Pryadchinskoye settlement; 25 – Tolgin town (Staryi Aigun); 26 – Orlovskoye settlement; 27 – Moldakit settlement; 28 – Semiozerskoye settlement; 29 – Troitskoye settlement; 30 – Novoandreyevskoye settlement; 31 – Manjurka settlement.

скими коллекциями и среди средневековых памятников, значившимися как чжурчжэньские, выявила комплексы, материал которых не соответствовал тунгусо-маньчжурской (мохэ-бохайско-чжурчжэньской) атрибутике. В число таких артефактов входили серьги в

виде знака вопроса, монгольские типы железных наконечников стрел, обилие костяных ромбовидных в сечении наконечников стрел, сосуды с подглазурной кобальтовой росписью, погребения с северной ориентировкой головы. На этом основании серия археологи-

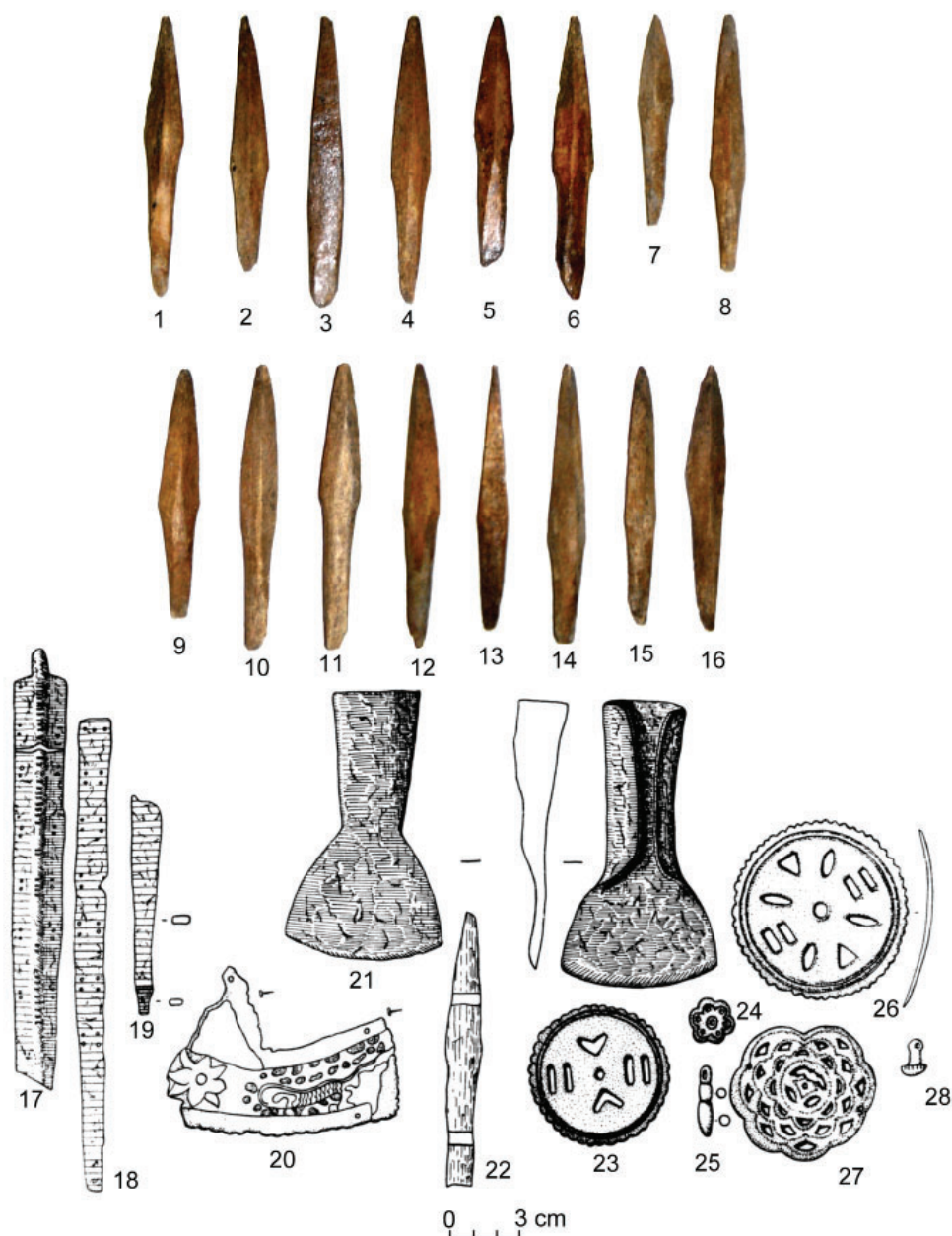
Рис. 2. Планы даурских городков: 1–Прядчинское городище; 2 – городище Воронжа; 3 – Игнатьевское городище; 4 – План местности с расположением могильников и городища Прядчино (по В.И. Дьякову)

(1–2 – грунтовые могильники; 3 – поселение; 4 – даурское укрепление).

Fig. 2. Plans of Daurian towns: 1–Pryadchynskoye settlement; 2 –Voronja settlement; 3– Ignatievskoye settlement; 4 – Plan of the area with the location of burial grounds and Pryadchino settlement (after V.I. Dyakov) (1–2 – ground burials; 3 – settlement; 4 – Daurian fortification).

ческих памятников (Марковский могильник, городище Круча, Кучугуры, Молдакитский клад, Чигири, Дубовый мыс) была датирована монгольским (династия Юань – 1271–1368 гг.), минским (1368–1644) и маньчжурским (династия Цин – 1644–1911 гг.) временем и поставлена проблема их этнокультурной принадлежности: прежде ли это тунгусо-маньчжурское население, оказавшееся под гнетом монголов, принесших и внедривших новый ремесленный комплекс, или это какие-то вкрапления (локальные образования) новых этносов, в частности, монголоязычных дауров, переселенных в Приамурье (Дьякова, 1986, с. 226–243). Спустя несколько лет данные разработки стали платформой для объединения таких памятников во владимировскую археологическую культу-

ру (Сапунов, Болотин, 1989, с. 43–47, Болотин, 1996, с. 84–101). Но полноценного выделения культуры, подкрепленного стационарными исследованиями до сих пор не состоялось. О погребальной традиции позднесредневекового населения Приамурья известно преимущественно из стационарных раскопок Владимировского и Прядчинского могильников, проведенных Б.С. Сапуновым, Д.П. Болотиным, Г. Литовченко, В.В. Сухих. Хотя, согласно опубликованной информации, исследования в разное время проводились на 10 могильниках: Владимировском, Каникурганском, Прядчинском I-II, Марковском, Егорьевском, Семиозерском-I-II, Бибииковском, Гродековском, где в общей сложности вскрыто 16 погребений, содержащих 29 костяков (рис. 3). По ландшафтной характеристике

Рис. 3. Могильник Прядчино: 1–16 – костяные наконечники стрел; Молдакитское городище: 17–19 – железные пластины шлема; 20 – ажурная бронзовая пластина; 21 – тесло; 22 – костяной наконечник стрелы; 23–24, 26–27 – бронзовые бляхи; 25, 28 – бронзовые пуговицы.

Fig. 3. Pryadchino burial ground: 1–16 – bone arrowheads; Moldakitskoye settlement: 17–19 – iron helmet plates; 20 – bronze openwork plate; 21 – adze; 22 – bone arrowhead; 23–4, 26 and 27 – bronze badges; 25, 28 – bronze buttons.

позднесредневековые некрополи рёлочные, т.е. расположены в речных долинах на песчаных возвышенностях. По типу грунтовые, ямные. По способу погребения – ингумации с положением погребённого на спине, выпрямленными ногами, руками вдоль туловища, головой на юго-запад (тунгусо-маньчжурская традиция) или северо-восток (монгольская традиция). Встречены одиночные, парные и коллективные (тройные) захоронения. Внутримогильные конструкции представлены рамами-гробами и гробами-обкладками

(Сапунов, Болотин, 1989, с. 44–45). Поскольку авторами опубликована только суммарная характеристика, а полевые отчёты и описи, в силу разных причин, либо не сохранились, либо оказались недоступны, то далее автор предлагает характеристику материала могильник Круча, расположенного в с. Марково Благовещенского района Амурской области, материалы которого присутствуют в Амурском областном краеведческом музее. Памятник впервые обследован и частично раскопан в 1928 году Г.С. Новиковым-Даурским: «В

земле берегового яра в разных местах торчат куски сгнившего дерева, кости, черепки. В одном месте потоком дождевой воды образована ниша, в которой оказались кости человека, сгнившее дерево и угли. Некоторые кости были обожжены, а череп, почти совершенно обугленный, развалился в руках на куски. В другом месте из обрыва торчали обломки берцовых костей, а дальше обнаружили кости ступней человека. По положению костей можно судить, что скелет лежал на спине, в вытянутом состоянии, ногами на восток, головою на запад, на глубине 50 см, без гробницы. На береговом откосе были найдены кости мужского костяка и 25 костяных наконечников стрел, 2 железных фибулы оригинальной формы, сломанный надвое железный нож и мелкие куски окиси железа. Костяные наконечники лежали в траве и казались склеенными в пучок, но рассыпались при прикосновении. Скелет лежал на спине, с вытянутыми по бокам руками, головой на север, ногами на юг. Возле головы и ног лежали сгнившие чурки круглой формы более 15 см, а на них – доска толщиной менее 10 см. Дерево сгнило и, вытянутое из земли, быстро высохло и разваливалось на куски. Под скелетом дерева не было – он лежал на мелком речном песке. При костяке были найдены следующие предметы: а) железный наконечник стрелы долотовидной формы, лежавший между ребрами левой стороны груди; б) с левого бока, чуть выше пояса – железная пряжка и костяная пластинка с дырками на концах, орнаментированная с одной стороны кружками и черточками; в) на одном из пальцев левой руки – кольцо из железной проволоки в виде спирали в полтора оборота; г) на щиколотках ног – железные браслеты, от которых сохранились лишь части, лежавшие поверх костей, а от частей, лежавших под костями, не осталось и следа; д) в ногах с внешней стороны погребения, возле чурки найден железный нож маньчжурской формы. В слое песка, на глубине 5–7 см ниже костей, под тазом лежал фрагмент шейки глиняного сосуда, но, видимо, он никакого отношения к инвентарю погребения не имеет, так как в том же слое песка были подобраны ещё 3 или 4 таких же черепка в других местах обрыва, за пределами данного погребения. В земле над гробницей нашлись два мелких черепка, которые попали сюда, видимо, случайно. Кисти правой руки при костяке не оказалось, она была снесена водой» (Новиков-Даурский, 1961, с. 35–36). Характеристика сохранивше-

гося материала: *Серьги* выполнены из бронзовой проволоки диаметром 0,1–0,2 см и имеют форму вопросительного знака. Длина серег различная: 6 серег – 2–3 см, 1 серьга – 8 см. На стержень нанизано по одной шаровидной стеклянной бусине, на одну самую крупную серьгу – две бусины. Внизу бусины закреплены витками (петелькой) проволоки и свободно вращаются. *Стеклянные бусы* представлены: одной бусиной цилиндрической формы (короткая трубочка), одной оранжевой ребристой, восемью шаровидными, бисером голубого и белого цветов, выполненных навивкой стеклянной нити на стержень. Полные аналогии им обнаруживаются в Каракоруме. *Бронзовые предметы* представлены тремя пластинами. Одна имеет длину 18 см, ширину 4,5 см. Полотно состоит из плоских кружков, образующих вертикальные и горизонтальные ряды. По центру кружки разделены горизонтальной полосой. Низ пластины окаймлен полукольцами, как бы соединяющими два ряда. Верх пластины ограничен бордюром с отверстиями для крепления к плоскости железными штырьками, от которых остались окислы. Две других пластины подпрямоугольной формы с декором из простых вписанных крестов. Длина пластин – 7 см, 9 см, ширина – 7 см. *Кольца* представлены двумя экземплярами. Одно выполнено в виде спирали из 1,5 витков, в сечении уплощенно-овальное; второе кольцо замкнутое, круглое в сечении. *Железное кольцо* – незамкнутое, диаметр 2,2 см, в сечении прямоугольное. *Керамические изделия* обнаружены ниже погребённого на 5–7 см в слое песка, являются традиционными для культуры амурских чжурчжэней. Среди них фрагменты лепных «типично мохэских» сосудов троичского облика, т.е. с вафельным орнаментом на стенках и наклепным валиком под венчиком; а так же серая, изготовленная на ножном круге посуда – фрагмент дольчатого сосуда с вертикальным желобком, трубчатые венчики, боковые стенки со штампованными мотивами орнамента, состоящие из вписанных ромбов, горизонтальных елочек, поясов вафли. Следовательно, могильник Круча оказался расположен на месте более древнего памятника, принадлежавшего культуре амурских чжурчжэней, верхняя граница которой датируется XII–XIII вв. Сравнение типового состава предметов этих двух комплексов делает очевидным, что первый комплекс представляет традиции амурских чжурчжэней, второй – монгольских (дауров). Любопытную ситуацию выявляют

детали погребального обряда. Установлено, что одно погребение совершено по способу кремации. Причем сжигание покойного производилось на месте в неглубокой яме. Стоял череп и некоторые кости. Головой покойный был ориентирован на запад, лежал на спине в вытянутом положении. Погребен был без гроба. Такой способ захоронения появляется в мохэской культуре Приморья на некрополе Монастырка-3 и бытует в могильниках культуры амурских чжурчжэней (Медведев, 1982). Второе погребение имеет принципиальное отличие, позволяющее думать, что оно этнического характера. Это захоронение совершено способом труположения. Покойный уложен на спину, ноги вытянуты, руки располагались вдоль туловища. Голова, что чрезвычайно важно, ориентирована на север. Как известно, северная ориентировка покойных в средневековых мохэских и чжурчжэньских могильниках Приамурья и Приморья не встречается. Она характерна и возводится исследователями в число этнических признаков для монголов (Именохоев, Коновалов, 1985, с. 79). В этом погребении внутримогильный интерьер отличен от чжурчжэньского. Впервые встречается выше головы и за ногами умершего скамейка, сооруженная из доски и двух чурок. Несколько иначе располагаются украшения и металлические детали одежды. Впервые встречаются ножные железные браслеты. У амурских чжурчжэней браслеты отмечены только для рук. Обычно в средневековых погребениях не

встречаются кольца для пальцев. В этом же погребении на одном из пальцев левой руки обнаружено кольцо из железной проволоки в виде спирали. Отсутствует в погребении керамическая посуда, тогда как для мохэцев и чжурчжэней она обязательна. Обнаружение долотовидного наконечника, характерного для амурских чжурчжэней, между ребрами погребенного позволяет эту ситуацию расшифровать таким образом: убитый был монголом (дауром) и убили его, видимо, местные жители. Но чужеродец похоронен на одном кладбище с чжурчжэнями. Подобное сочетание монгольских и чжурчжэньских захоронений зафиксировано и на *Владимировском могильнике*: в могилах № 1–4 прослежена тунгусо-маньчжурская традиция, с ориентацией головы на юго-запад; в могилах № 5–6 – монгольская, с ориентацией головы на северо-запад. Тунгусо-маньчжурскую традицию погребения № 2 так же подтверждает обнаруженная в нём челюсть собаки, являвшейся для чжурчжэней культовым животным. Таким образом, погребения с северной ориентацией головы, артефакты: серьги в виде знака вопроса; железные наконечники стрел пламевидного типа; костяные наконечники стрел; стеклянные изделия, аналогичные по форме и составу каракорумским, бронзовые грибовидные пуговицы и др. предметы появляются в Приамурье в юаньское время (1271–1368) и бытуют длительное время, включая минский (1368 – 1644 гг.) и цинский периоды (1644–1912).

ЛИТЕРАТУРА

- Болотин Д.П.* Владимирская культура позднего средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий / Отв. ред. С.Б. Сапунов. Благовещенск: БГПИ, 1993. С. 84–101.
- Волков Д.П.* Проблема интерпретации городищ даурского типа в Западном Приамурье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 330–331.
- Дьяков В.И.* Археологические работы в Приморском крае и Амурской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 18197.
- Дьякова О.В.* Материальная культура населения Приамурья в XIII–XVII вв. // История и культура восточной и юго-восточной Азии. Ч. 2 / Отв. ред. С.В. Волков. М.: Наука, 1986. С. 226–243.
- Дьякова О.В., Зайцев Н.Н., Шевченко В.В.* Даурские городки Приамурья // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.). Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 87–98.
- Ивлиев А.Л.* Позднесредневековые памятники в окрестностях с. Семиозёрка Амурской области // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: БГПУ, 1995. С. 5–60.
- Именохоев Н.В., Коновалов П.Б.* К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–86.

Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. 218с.

Новиков-Даурский Г.С. Приамурье в древности // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Т. 2 / Науч. ред. В.П. Малышев. Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1953. С. 3–25.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амурское кн. изд., 1961. 190 с.

Сапунов Б.С., Болотин Д.П. Материальная культура позднего средневековья на Верхнем Амуре / Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Препринт / Отв. ред. В.Д. Леньков, А.М. Певнов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 43–47.

Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. Средневековые городища Амурской области // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий: (Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока) / Отв. ред. В.Д. Леньков. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 46–51.

Цыбенков Б.Д. Даурские роды в XVII веке // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 8. С. 238–245.

Информация об авторе:

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией археологии Приамурья, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); emelianova49@mail.ru

REFERENCES

Bolotin, D. P. 1993. In Sapunov, S. B. (ed.). *Problemy etnokul'turnoy istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territoriy (Problems of Ethnocultural History of the Far East and Adjacent Territories)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Institute Publ., 84–101 (in Russian).

Volkov, D. P. 2020. In Makarov N. A., Derevianko A. P., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22th) All-Russia Archaeological Congress in Samara) II*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 330–331 (in Russian).

D'yakov, V. I. 1993. *Arkheologicheskie raboty v Primorskom krae i Amurskoy oblasti v 1993 g. (Archaeological work in the Primorye territory and the Amur region in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 18197 (in Russian).

D'yakova, O. V. 1986. In Volkov, S. V. (ed.). *Istoriya i kul'tura vostochnoy i yugo-vostochnoy Azii. Ch. 2 (History and Culture of East and South-East Asia. Part 2)*. Moscow: "Nauka" Publ., 226–243 (in Russian).

D'yakova, O. V., Zaytsev, N. N., Shevchenko, V. V. 2019. In Shelomikhin, O. A. (ed.). *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Kheykhe, Tyan'tszin', Pekin, 20-28 maya 2019 g.). Vyp. 9. Ch. 1 (Russia and China: history and prospects of cooperation: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk - Heihe, Tianjin, Beijing, May 20-28, 2019). Issue. 9. Part 1)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 87–98 (in Russian).

Ivliev, A. L. 1995. In Zabyako, A. P. (ed.). *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii: arkheologiya i kul'turnaya antropologiya (Traditional Culture of East Asia: Archaeology and Cultural Anthropology)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 5–60 (in Russian).

Imenokhiov, N. V., Konovalov, P. B. 1985. In Konovalov, P. B. (ed.). *Drevnee Zabaykal'e i ego kul'turnye svyazi (The Ancient East and its Cultural Context)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 69–86 (in Russian).

Medvedev, V. E. 1982. *Srednevekovye pamyatniki ostrova Ussuriyskogo (The Medieval Monuments of the Island of Ussuri)*. Novosibirsk: Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novikov-Daurskiy, G. S. 1953. In Malyshev, V. P. (ed.). *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya. T. 2 (Notes of the Amur Regional Museum of Local History and company of Local History. Vol. 2)*. Blagoveshchensk: "Amurskoe kn. izd." Publ., 3–25 (in Russian).

Novikov-Daurskiy, G. S. 1961. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki (Historical and archaeological essays)*. Blagoveshchensk: "Amurskoe kn. izd." Publ. (in Russian).

Sapunov, B. S., Bolotin, D. P. 1989. In Len'kov, V. D., Pevnov, A. M. (eds.). *Materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka i Zabaykal'ya. Preprint (Materials on the Medieval Archaeology of the Far East and Transbaikalia. Preprint)*. Vladivostok: "DVO AN SSSR" Publ., 43–47 (in Russian).

Sapunov, B. S., Zaytsev, N. N. 1993. In Len'kov, V. D. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy: (Doklady V sessii Nauchno-problemnogo soveta arkheologov Dal'nego Vostoka) (New Materials on Archaeology of the Far East of Russia and Adjacent Territories (Of V Session of the Peer Review of Archaeologists of the Far East))*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 46–51 (in Russian).

Tsybenov, B. D. 2011. In *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta (Bulletin of Buryat State University)* 8, 238–245 (in Russian).

About the Author:

Diakova Olga V. Doctor of Historical Sciences. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; emelianova49@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.